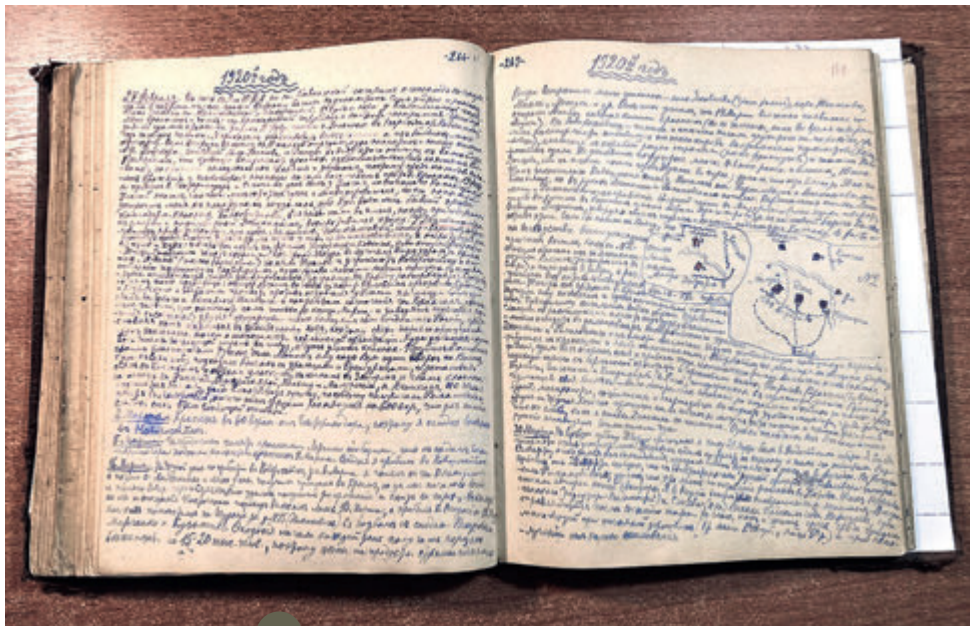

Листая старую тетрадь отверженного генерала...

Чудом сохранившиеся подробности грустной истории усердного служаки Михаила Уварова (1865–1920)

1

2

Страницы жизни

Объемистая тетрадь с оттиском на коричневой потрепанной обложке «М.А. Уваров, 1865». Под обложкой дневник, в котором уместилась вся жизнь человека, сумевшего вырваться из нищеты детства и без протекций стать генералом. Михаил Андреевич Уваров 1865 года рождения.

1 сентября 1882 г., когда 16-летний Миша Уваров сделал первую запись о зачислении на военную службу, он едва ли мог себе представить, что через несколько сотен страниц другой человек в этом же дневнике сделает последнюю запись — о его смерти.

Свой дневник Уваров вел с 1882 по 1920 год — целых 38 лет, или почти всю взрослую жизнь. На страницах тетради — описания мирных и военных лет, схемы боев, романтические переживания и даже нескладные генеральские стихи. Казалось бы, блестящая карьера, не всякий дослужится до таких чинов. А как было? Полистаем...

«Солдаты звали меня барином...»

Уваров родился 28 сентября 1865 г. в семье коллежского секретаря Тверской губернии. Дет-

ство его было тяжелым и безрадостным. Ранняя смерть матери, пьянство отца, жизнь с двумя младшими сестрами на попечении нищенствовавшей тетки. Чтобы вырваться из такой среды, Уваров, не окончив гимназии, поступил на военную службу вольноопределяющимся в 8-й гренадерский Московский полк.

«Солдаты, как все русские простолудины, были циничны, грубы, но добродушны и услужливы. Вражды с их стороны к господам тогда не чувствовалось, ко мне относились любезно и звали барином, но знаниями моими не интересовались и ничего у меня не желали узнать», — вспоминал он¹.

В 1885 г. Уваров окончил Московское пехотное юнкерское училище и годом позже вышел в офицеры. Служил в 21-м пехотном Муромском полку, дислоцированном в Польше, подальше от дома, так как опасался скандалов из-за пьянства отца. Затем решил продолжить военное образование и в 1898 г. окончил Николаевскую академию Генерального штаба. Вместе с ним учились будущие белые генералы Ф.Ф. Абрамов, А.П. Архангельский, Л.М. Болховитинов, А.В. Геруа, Л.Г. Корнилов, а также их оппоненты — будущие военспецы М.Д. Бонч-Бруевич, А.Е. Гутор, А.С. Мадритов, А.А. Самойло...

¹

Генерал М.А. Уваров.
ГА РФ. Публикуется впервые.

²

Дневник генерала.
ГА РФ. Публикуется впервые.

Уваров участвовал в Первой мировой войне, но не слишком удачно, в силу сложных отношений с начальством. Летом 1914 г., после 32 лет службы, он получил в командование полк — 159-й пехотный Гурийский, однако осенью был отрешен от командования и в декабре уволен в отставку. В июне 1915 г. вернулся на фронт и стал командиром 414-го пехотного Торопецкого полка. Был контужен и вновь отчислен от должности формально по болезни, а по версии Уварова, опять из-за начальства. Он подал жалобу, по которой было проведено расследование, установившее, что его полк был лучшим в корпусе, а от-

3

странение является несправедливым. Тогда ему дали в командование новый полк — 192-й пехотный Рымникский.

Позднее Уваров исполнял должность начальника штаба 35-й пехотной дивизии, в декабре 1916 г. был произведен в генерал-майоры. Далее стал начальником штаба 46-й пехотной дивизии и ею же командовал, а в Гражданскую войну примкнул к белым.

«Службу мы несли усердно...»

В раннем дневнике много места отводится бытовой стороне жизни глухих полковых стоянок, известной по произведениям А.И. Куприна. Пьянство, карточная игра, однообразная повседневность и скука, мелкое интриганство, дуэли, антисемитизм, вымогательство командиров, соперничество из-за наград, безденежье, безысходность и суицидальные мысли. Жизнь была настолько бедной, что у молодого офицера не было средств даже отметить день рождения².

Единственным развлечением в небольшом польском городке Плоцк, где стоял полк Уварова, являлся маленький театр. «У большинства молодых офицеров карты, пьянство и женщины заполняли все досуги», — записал автор дневника³. Не пившего, не курившего, не знавшего женщин Уварова однополчане подвергли почти злобным насмешкам, прозвав «Маничкой» и «булочкой». Из спортивного интереса стали спаивать, развращать и приучать к курению. Если к алкоголю из-за пагубной привычки отца Уваров испытывал отвращение, то к табаку пристрастился и в конце жизни выкуривал по 80 папирос в день.

«Службу мы несли усердно, но она была малоинтересная: доминировали шагистика и муштра в сомкнутом строю. Начальство было из генералов, начавших службу еще при Николае I... И случись в это время война, наш крах был бы еще больший, чем в Маньчжурскую кампанию»⁴. Серьезной боевой подготовки не велось, а «на маневрах проделывались батальные картины боев, как они изображаются в лубочных картинах»⁵.

Перед нами предстает типичный кадровый офицер своей эпохи — человек

не особенно широкого кругозора, нервный, обидчивый, злопамятный, мелочный, часто корыстный (вплоть до записи, где и сколько вещей на протяжении жизни он оставил), живущий предрассудками (например, рассуждающий о происках «жидов»⁶), но все время пытающийся разобраться в происходившем.

«Женился я на бедной, некрасивой девушке...»

Михаила Андреевича немало занимали переживания из-за романтических отношений и отсутствия подходящей партии для брака (он учитывал как внешние данные, так и размер приданого потенциальных невест⁷). Уваров сетовал, что «полковые дамы... всем пригляделись и даже надоели. Многие из них были грубы, глупы, малообразованны и невоспитанны, мужьям изменяли не только с офицерами, но и с денщиками. Дочери полковых офицеров, редко красивые и интересные, из[о] всех сил старались поймать женихов, но при 39 руб. жалованья проблематичность

° 3

*Русские войска
в Восточной Пруссии.
Лубок.*

будущего «счастья» столь была очевидна, что почти никто не рисковал на подобный шаг до получения роты и 70 руб. жалов[анья], да и незачем было: почти семейное счастье получалось без всякого труда, ибо пылкие и чувствительные польки и еврейки из модисток, приказчиц, швеек и проч[их] после легкого флирта начинали посещать наши холостые квартиры и гостить по неделям... Была и обратная сторона медали — сильная заболеваемость венерическими болезнями: в полку не менее 60% было сифилитиков»⁸.

Семейная жизнь генерала не сложилась. Он вспоминал: «Женился я на бедной, некрасивой девушке, был ей верен, весь заработок свой отдавал ей; она страшно экономила во всем и нездоровой пищей довела меня до острого припадка катара желудка в 1908 г., от чего страдаю я и теперь. В 1909 г. жена под предлогом моей неверности уехала от меня, увезя с собой все мои сбережения, а затем судом стала искать от меня содержания себе. Так порвалась моя семейная жизнь без какой-либо моей вины»⁹.

Попытка жениться снова не удалась, так как развод за четыре года Уваров так и не получил, а новая избранница ждать не стала и вышла за другого. Самого себя он считал неудачливым, а итог подводил философский: «Наша жизнь — это сцепление неудач, нужды, лишений, неудовлетворенных желаний и в итоге сознание неудавшейся жизни и разочарования»¹⁰.

«...У меня поднималось отвращение и ненависть к войне»

С начала Первой мировой войны полк Уварова, вступивший летом 1914 г. в Восточную Пруссию, оказался втянут в ожесточенные бои. При занятии населенных пунктов наблюдались ужасающие сцены. Солдаты «беспощадно громили пустые дома, бессмысленно разбивая зеркала, стекла в окнах, пьянино и рояли, мебель и проч[ее]... число мародеров страшно возрастало с каждым днем наступления»¹¹. «Слишком была велика разница между культурной Пруссией и бедной Россией. Даже наши солдаты замечали это и говорили: «Вот дурак Вильгельм, что полез воевать с нами, у него у самого такое богатство, а у нас — рвань, навоз, да вши с блохами — наше добро»¹².

Об изменении своего отношения к войне генерал писал: «Я тогда горел энтузиазмом, что воюю за Россию и славянство с исконным врагом — немцем, но вид трупов расстрелянных или повешенных мирных жителей, картины разорения сел, рев мучающихся животных сразу переменяли мое настроение, и у меня поднималось отвращение и ненависть к войне»¹³.

Генерал описывал чудовищный хаос на фронте, безответственность, трусость и безынициативность начальников. Героизм одних порой оказывался результатом безалаберности других. Например, в ночь на 9 августа 1916 г. нем-

4

° 4

Генерал
В.Л. Покровский
(1889–1922).

цы пустили на позиции Рымниковского полка, которым командовал Уваров, четыре волны хлора. Две роты полка, находившиеся на работах, имели при себе вместо противогозов лишь матерчатые «рыльца», которые оказались бесполезны. Погибли офицер и 209 нижних чинов. Рядовой 9-й роты И. Тагиров, «увидя, что его ротн[ый] к[оманди]р подпор[учик] Неминущий задыхается от газа, снял с себя резиновый противогоз, найденный им на убитом немце, и спас тем Неминущего, а сам умер»¹⁴.

Между тем командир полка задолго до газовой атаки четырежды подавал рапорт о выдаче полку противогозов, но их выдали только после массовой гибели людей. Возмущал генерала и тыл — в Петрограде «никто не хотел идти на войну и не думал о ней; все разряжены, дамы залиты брильянтами; жизнь там — сплошной кутеж»¹⁵.

О Февральской революции Уваров высказывался отрицательно: «Мы, офицеры, были против революции, находя несвоевременным[и] внутренние неурядицы, когда еще не кончена война»¹⁶. Начался развал армии, боевые действия почти прекратились, а облик революционных солдат генерала шокировал.

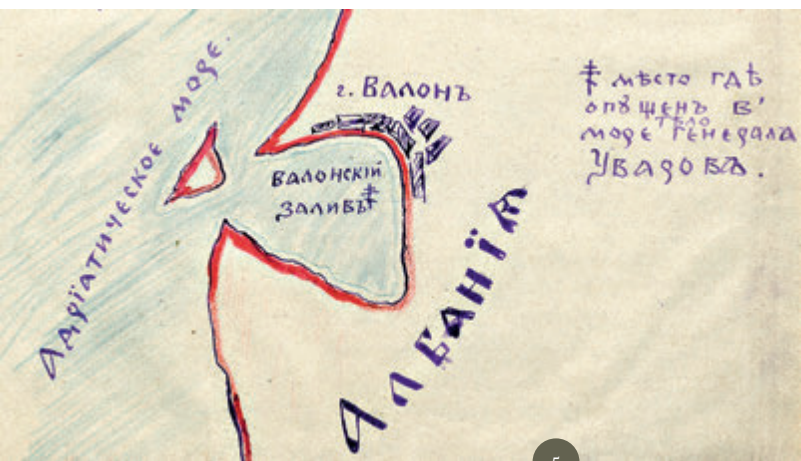
В декабре 1917 г. Уваров под предлогом болезни оставил должность. Пробраться в Новочеркасск к белым не удалось. Пришлось ехать в Полтаву, где в марте 1918 г. генерал попал под немецкую оккупацию и новую украинскую власть. «Началось гонение на все русское; выписаны были галичане для обучения настоящему украинскому языку, коего, однако, не понимали ни крестьяне, ни малорусская интеллигенция»¹⁷. Четыре месяца в Полтаве оставили у генерала тяжелое впечатление.

«В Гражданской войне обе стороны грабят, пьют, бесчинствуют...»

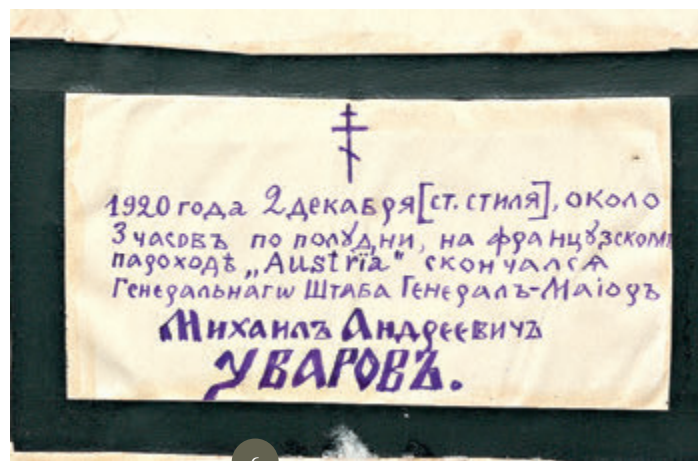
Летом 1918 г. Уваров записался в Добровольческую армию. Первым поручением было — отправиться в качестве временного военного губернатора в Ставрополь и не допустить разграбления города казаками полковника А.Г. Шкуро. Уваров на грузовике с несколькими добровольцами и пулеметом первым въехал в оставленный красными город, чем невероятно гордился¹⁸. Однако его поступок не оценили, а в октябре 1918 г. уволили из армии.

О генерале вспомнили весной 1919 г., когда он получил назначение заведующим тылом I Кубанского корпуса. Ему даже достался персональный пульмановский вагон, кишевший клопами.

Корпусом командовал одиозный генерал В.Л. Покровский, известный своими жестокостями. На станции Долженково Уварову пришлось видеть троих повешенных рабочих, уличенных в сопротивлении, а конвой Покровского «зверски избивал на моих глазах плетьюми

5

6

трех же рабочих»¹⁹. Добиться встречи с командиром корпуса было непросто, так как в штабе шло повальное пьянство. Уваров описал один из пьяных вечеров у Покровского:

«Покровский настолько развернулся, что показал себя во всей своей непосредственности. Он стрелял из револьвера в потолок дорогого вагона-ресторана, затем вызывал простых казаков по фамилии и назначал каждого на должности, то московского генерал-губернатора, то к[омандую]щего войсками Москов[ского] округа, то коменданта Москвы и т.п. Казаки орали песни и качали своего «кубанского батьку», т.е. Покровского»²⁰.

Белое движение Уваров считал авантюрой²¹, но к большевикам относился враждебно. В конце весны 1919 г. он пришел к мысли, что «в Гражданской войне обе стороны грабят, пьют, бесчинствуют и развратничают; тыловые деятели воруют»²². В белом лагере положение усугублялось борьбой генеральских честолюбив. Описывая конфликт генералов А.И. Деникина и П.Н. Врангеля, Уваров заключил: «Сейчас идет борьба за власть, а не за освобождение России»²³.

Когда весной 1920-го его собрались увольнять со службы по возрасту, генерал записал:

«Надо бы мне примириться с этим и махнуть рукою на дело всей моей жизни — на военную службу, которой я отдал все силы своей души и ума, а не могу. Да и чем я теперь буду добывать себе средства к существованию — ремесла никакого не знаю и на старости лет поздно учиться... Жалел отчаянно мою дорогую собачку Бурюсю, пропавшую и, вероятно, погибшую где-либо под забором, а ведь самому, пожалуй, придется помереть где-либо под забором с голоду»²⁴. Как оказалось, почти предсказал свою судьбу.

Смерть в полутемном трюме на грязном полу

Пока не был найден этот дневник, судьба генерала оставалась неизвестной. О том, что с ним случилось, поведали последние страницы тетради. На них подчиненный Уварова И.П. Расторгуев

° 5

Схема места погребения генерала. ГА РФ. Публикуется впервые.

° 6

Запись о смерти генерала М.А. Уварова. ГА РФ. Публикуется впервые.

по прибытии в Сербию в январе 1921 г. записал, что 2 (15) декабря 1920 г. около 15 часов генерал Уваров скончался на борту французского парохода «Австрия»²⁵.

Из записи Расторгуева мы узнаем, что при эвакуации Крыма 55-летний Уваров погрузился на пароход «Мечта». Из-за тяжелых условий на борту, при недостатке воды и пищи желудочная болезнь генерала обострилась. Из Константинополя генерал собрался ехать в Сербию. На пароходе «Австрия» боли усилились²⁶. Генерал ехал в трюме, где на грязном полу едва нашлось лежачее место²⁷.

Уваров скончался, когда пароход заходил в Валлонский залив Адриатического моря (залив Влера) у берегов Албании. Все имущество генерала составляли два чемодана, самовар, фотоаппарат, бурка и куртка. Спутники надеялись похоронить генерала, но французы из команды парохода, никого не предупредив, предали тело Уварова водам залива. Расторгуев даже изобразил на схеме место, где это было сделано.

P.S. Последней просьбой Уварова было — сохранить дневник. Воля генерала оказалась выполнена наилучшим образом — книга его жизни попала в Русский заграничный исторический архив в Праге, впоследствии переданный в нашу страну. Благодаря этому мы более века спустя узнали о жизни человека, ставшего одной из жертв Гражданской войны.

1 ГА РФ. ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 803. Л. 134об.
2 Там же. Л. 26об.
3 Там же. Л. 137об.
4 Там же. Л. 137.
5 Там же.
6 Там же. Л. 27.
7 Там же. Л. 23.
8 Там же. Л. 137.
9 Там же. Л. 131.
10 Там же. Л. 133.

11 Там же. Л. 157об.

12 Там же.

13 Там же. Л. 157об.

14 Там же. Л. 175об.

15 Там же. Л. 173.

16 Там же. Л. 180об.

17 Там же. Л. 183об.

18 Также см.: Елисеев Ф.И. С Корниловским конным. М., 2003. С. 227.

19 ГА РФ. ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 803.

Л. 193.

20 Там же.

21 Там же. Л. 130.

22 Там же. Л. 123об.-124.

23 Там же. Л. 128об.-129.

24 Там же. Л. 131.

25 Там же. Л. 196.

26 Там же. Л. 198-198об.

27 Там же. Л. 198об.